

ТОНКИЕ НАТУРЫ
ПРОЗА ТАТЬЯНЫ ТРУФАНОВОЙ

Глава 1

Бом-м, бом-м! — через комнату прокатились снежными шарами несколько колокольных ударов. За окном ветер теребил яблоню, и на столе танцевали резные тени; на вазе, на синей глазури пульсировал блик, а в банке цветочного меда — полупустой, полуполной — то вспыхивало, то угасало сияние. Степа макнул в сияние белый хлеб, унес, поймал ртом тягучую нитку. Мед, заполнивший края хлеба, как соты, заглушал сладостью растерянный привкус того, что вот-вот придет: и хорошего, и плохого.

Следом за колокольным звоном послышались ритмичные и сильные удары.

— Да это прямо ого! Прямо симфония, э. — Степа склонился к музыканту. — Вопрос, чья?.. Бетховен? Или Бах?

«Ба-бах!» — подтвердил музыкант, ударив половником о стену печи.

Темноволосый крепыш в красной футболке и белом пышном подгузнике стоял, широко расставив голые ноги, одной рукой опираясь о печь и улыбаясь во все три зуба.

— Эх, Ярослав Степаныч! Не знаешь ты, м-да, не знаешь, что тебя ждет. Я бы на твоём месте выбрал Бетховена. Пятую. Па-па-па-паам! — Степа напел грозные начальные такты, косясь на метавшуюся по комнате жену.

Бегая, она огибала тазик, подставленный под капéль с потолка. Ночной дождь показал, что крыша опять начала протекать. Но это была такая ерунда по сравнению с... эх!

Степа чувствовал, что прожил последние месяцы в золотом коконе счастья (которого не ценил, как надо было), а теперь кокон треснул и через ширившуюся трещину втискивалась чужая и грубая жизнь.

Проносившаяся Юля остановилась и схватила музыканта.

— Bravo, красавец мой! А теперь прости... — она звучно чмокнула малыша, — прости... прости... — Чмокая, она вытянула у него половник и, едва только Яся включил свою сирену, всунула ему резинового котика.

Спустив Ясю на пол, Юля побежала из большой комнаты в одну из двух маленьких, примыкавших к ней, — в ту, которую можно было назвать кабинетом (потому что в ней размещался стол с компьютером Степы) или гардеробной (потому что едва ли не половину ее занимал платяной шкаф-купе). В семье за цвет стен называли ее беленькой. (Через стенку была миниатюрная красенькая, она же спальня.)

— Не успеваю, ничего не успеваю! — бормотала Юля, прямо как Белый кролик из «Алисы».

Степа проводил ее взглядом. В голубом лифчике соблазнительно колыхалась грудь, домашние легинсы обтягивали округлый зад и мягкий животик. Жаль, что жена спешит.

Яся разочарованно вскрикнул: он встал, но не мог дотянуться до зеленых листьев традесканции, обжившей устье печи (год назад треснул дымоход, на ремонт до сих пор не нашлось денег). Степа подхватил Ясю под мышки и понес к беленькой. Он с сыном встал у двери, наблю-

дая за Юлей в большом, от пола до потолка, зеркале, которым были облицованы двери шкафа.

«Ну зачем, зачем тебе понадобилось менять их налаженную жизнь сейчас? Подожди немного! — хотелось Степе сказать ей. — Подожди, Воробей, совсем скоро у нас будет столько денег, что я выставлю для тебя ковровую дорожку куда захочешь! Устроим все как надо, а не сикось-накось... подожди».

Жена уже втиснулась в юбку-карандаш и сейчас застегивала мелкие пуговицы на блузке. В большом зеркале отразились все трое. Над плечом невысокой Юли Степа видел свое кругловатое, простоватое лицо («тюфячное», как он сам думал; лет в шестнадцать он негодовал, что не дали ему героический профиль да черные глаза с искрами, потом привык, хотя считал, что для первых встречных лицо его говорит: «Я не знаю, я как скажете, так и сделаю»). Сбоку, из-под Степиной руки, выглядывал встрепанный Яся, заинтересованный мальчиком в отражении.

— А кто это у нас в зеркале? — спросил отец сына. — Ба! Это будущий Рэмбо! Сегодня вечером, да, первым делом, как я вернусь с работы, мы с тобой — ух! Начинаем тренировки со штангой.

— У тебя есть штанга? — поинтересовалась Юля.

— Купим. На тропу войны нельзя выходить хиляком, правда, Быстрый? Нам нужны мышцы! Мышцы. Чтобы ленты патронов обвивали тело атлета. Она тебя — шлеп, а ты ей — бамс! Хук правой. Она на тебя: гав-гав-гав! А ты ей: тра-та-та! — из пулемета. Она тебя бросит в пустыне, в песочнице, а ты...

— Простите, а кто эта она?

— Ну как же? Вандер-вуман, которую мама отыскала. Домомучительница по имени Гуля. Ничего, Яся, ничего! Отобьемся! Научу тебя приемам борьбы баритцу...

— Да, без этого с тихой узбекской женщиной никак не справиться.

Юля забрала у него младенца и унесла в большую комнату, усадила на полосатую, вязанную из лоскутов дорожку — одну из тех, которыми они застелили комнату, когда Яся начал ползать, — и поставила перед ним коробку с кубиками. Склонившись над сыном, Юля что-то вполголоса зажурчала ему, стоя боком к Степе. Кто-то другой сказал бы, что нос у нее великоват, а подбородок, наоборот, маленький, но Степе она с первой же встречи казалась самой очаровательной на свете. Временами Юля была похожа на забавную большеглазую птичку или зверька, а иногда — упадет как-то по-особому свет, посмотрит жена исподлобья и — ах! красавица.

— Посмотри, как Быстрый к тебе тянется! — заметил Степа.

Яся тянулся и дотянулся: он схватил Юлю за волосы железной хваткой и в восторге захохотал. Юля пыталась вытащить у него из пальчиков волнистую темную прядь, но Яся не поддавался.

Большие напольные часы, стоявшие рядом со входной дверью, двигали минутную стрелку вниз, к половине десятого. Последние минуты счастливой жизни втроем. Степа огляделся: главная комната его дома, бывшая сразу и кухней, и столовой, и гостиной, в последние девять месяцев стала еще и детской. Сколько раз Степа вставал из-за обеденного стола с тарелкой супа, уступая место Юле, а та раскладывала на столе Ясю, меняя ему подгузники и пеленки. На беленой печи раньше жили стопки книг, теперь они задвинуты вглубь, оттесненные коробками с распашонками и ползунками. Посреди просторной комнаты они с Юлей, танцоры-неумехи, когда-то изображали твист и смеялись до упаду, а сегодня утром он, избежав столкновения с тазом, чуть не поскользнул-

ся здесь на пластиковой пищалке. Красненькая комната стала как набитая шкатулка: между двупальным ложем и стенкой втиснули Ясину кроватку-манеж. От входной двери до противоположной стены — двенадцать шагов, это Степа выучил вечерами, когда на руках укачивал Ясю. Над комодом раньше висел портрет густо накрашенной мадам кисти какого-то нидерландского экспрессиониста, а потом, в ознаменование новой эпохи в своей жизни, Юля заменила эту репродукцию на другую: ренессансную мадонну, удивленными глазами взиравшую на своего беби. И вот, здрасте-пожалста, теперь мадонна Юлия сбегает от младенца!

Степа пытался отговорить жену, но она ни в какую не поддавалась. Лепетала что-то, стонала, невнятно и сбивчиво объясняла — он так и не понял, чем плохо сидеть дома с любимым сыном. Понял только, что каждый спор упирается в ее слезы, — и бросил спорить. Он чувствовал себя бессильным и даже не мог никому пожаловаться: сам считал, что в двадцать первом веке такие жалобы глупы. Ай, трагедия: жена решила выйти на работу! Нашла няню! Он заранее не любил эту тетку, пусть Юля описывала ее как милую и скромную. Любой согласился бы, что девятимсячному ребенку будет хуже с чужой женщиной, чем с родной мамой. Так зачем это все, если Ясе гарантированно будет хуже?

Изящная минутная стрелка указала вниз: ровно полдесятого.

— Сейчас она придет! — объявила Юля, вытянувшись от нетерпения.

Она усадила Ясю в высокий стульчик и регулярно подавала сыну в рот кашу, ложка за ложкой. Юля уже была одета и собрана, а Степа, собиравшийся выйти на работу через десять минут, вынул из шкафа белую рубашку и унылый синий галстук, вздохнул, откусил от бутербро-

да с колбасой, заменил синий галстук на бордовый и снова вздохнул. Яся, приняв с десяток ложек питания, стал раскачивать стул и громко проситься на волю. Юля выпустила его, но кормить не перестала: теперь она бегала за Быстрым с ложкой, а Быстрый улепетывал на четвереньках от нее.

— Простите, конечно, но хотя бы в первый день можно было бы не опаздывать! — сказала жена.

— Позвони этой... Гуле.

Юля неопределенно покачала головой и выставила на обеденном столе снаряжение для Ясиного обеда: чашки, ложечки, каши и пюре, а еще — четыре исписанные страницы. Майский ветер вздул пузырем занавеску у открытой форточки, взметнул листки, но Юля их подхватила.

— Что это?

— Да так. Чем кормить, с чем играть, где спать и так далее. Я все проговаривала, но на всякий случай.

— Любопытственно, да умеет ли узбечка Гуля читать по-русски?

— Ну, я надеюсь... Мы с ней переписывались. В эсэмэсках, — ответила Юля.

По странному совпадению именно в этот момент ее мобильный загудел, как жук, подавая сигнал об эсэмэс.

— Наверняка Гуля... Пишет, что сейчас придет? — пробормотала Юля, тыкая в телефон.

Яся, предоставленный сам себе, тащил через всю комнату невесть как добытые кружевные трусы матери. Степа попытался их изъять.

— О боже, — донесся до него деревянный голос Юли.

— Что такое? — оглянулся Степа.

Юля стояла, как потерянная, держа в безвольно упавшей руке мобильный.

— Я не останусь. Я жила этим днем, я дни считала до выхода на работу. Двенадцать человек отсмотрела, пока

Гулю... Объявления эти, зарплату хотят, какой у меня не было никогда, а сами с грязными ногтями, и... Казалось, хорошая. Яся ей улыбался! Как можно так, в последний момент?!

Степа, сунув трусики в карман, подошел к жене, прочитал эсэмэс. «Извинити не буду больше у вас работать нашла другое место там больше денег Извинити всег благ. Здравовья Ясичке!»

За окном тихо пел скворец. Яся залез под стол, елозил машинкой по деревянному полу.

Степа перечитал послание.

— Ура-а! Гип-гип-ура! — закричал он.

Выкрикивая что-то на мотив сиртаки, он затанцевал дикий танец вокруг замершей Юли. Яся высунул голову из-под стола.

— Извини, извини! Нет, я понимаю, ты ждала, а она — безобразие. Но послушай, а если? Верил бы я в мистику, сказал бы: это знак. И был день, и свинтила нянька, и был в этом — знак! Послушай, Воробей, за чем? Ты полтора месяца шерстила сайты, тучу объявлений отсмотрела, обзвонила. Еле-еле нашла, чтоб за наши деньги — адекватная тетка. И нате — чао, крошки! Угу. А между прочим, мы бы ей отдавали почти всю твою зарплату, да. Разве это не смешно? Я не в смысле твоей зарплаты, а в смысле: любая нянька с пятью классами хочет больше денег, чем у тебя, извини, с дипломом и кандидатской. Выгоды — навар с яиц. Навар с яиц за то, чтобы с Ясей сидела какая-то непонятная тетка. Зачем? — возбужденно говорил Степа. — Еще кто знает, что было бы! На первый взгляд сю-сю-сю, люблю деточек, а останется одна — Яську в манеж, сама смотреть телевизор. Угу. Зачем нам это? У тебя декретный отпуск — три года. А потом Степаныча в детский сад возьмут. Да вообще он уже будет взрослый мужчина. Подожди! Ну, Юль, подожди!

— Я не могу, Степа, — произнесла жена с какой-то кривой улыбкой.

— Да-да-да, — сказал Яся.

Степа подхватил его на руки и подошел к жене, обнял ее другой рукой так, чтобы они прижались все трое друг к другу.

— Ты прямо расстроилась? Взяла и расстроилась? Воробей мой любимый... Все наладится. Не раскисай. Ой-ей-ей. Что делать? Хочет на работу жена. Хорошо-хорошо. Пойдешь на работу. Я же не в смысле, мм, я в смысле... Ладно, на работу. Подумаешь, попозже на пару недель. Все наладится. Ты отсмотришь еще пятнадцать нянь, да, найдешь Гулю получше этой. Подождет тебя твой музей. Неделю, месяц, сколько надо, подождет. Побудешь еще чуток с Быстрым, — говорил он ей на ухо.

Степа передал сына Юле на руки, она взяла его заторможенно. Яся уронил маме на хлопковую блузку комочек каши.

— Степаныч, береги маму! Юль, я одеваюсь и на работу. Я вам позвоню еще.

— Позвонишь нам? — У Юли вспыхнули глаза.

Она вытянулась в струну, сжав кулачки, и стиснула губы так плотно, что те побелели. Степа и шага сделать не успел, как она вцепилась в него и сгрузила сына оторопевшему мужу в руки.

— Это я пойду на работу, — отчеканила Юля. — А ты останешься, ты будешь искать няню, отсмотришь еще пятнадцать, найдешь Гулю получше. Подождет тебя твое агентство пару недель. А я пойду на работу!

Степа был в изумлении: Юля никогда так с ним не говорила! Что случилось с его нежной и мягкой женой?

— Извини, извини... что?

Степа медленно спустил с рук сына.

Юля схватила сумку, зеленый жакет и направилась к выходу. У двери она обернулась.

— Я сидела с Ясей девять месяцев. Теперь ты с ним посидишь пару недель. Пока не найдем няню. Завтрак он съел, на столе обед и все инструкции.

Жена зыркнула на Степу огненными, непривычными глазами и вылетела за дверь.

— Нет, погоди! — вскричал Степа.

Кинуться за ней ему помешал грохот. Озадаченный Яся сидел, держа в руке скатерть с обеденного стола. Впервые отколол такой фокус. По полу с дребезгом катилась чудом уцелевшая ваза, извергнув из себя воду и ветки сирени; белая, в муку смолотая каша рассыпалась длинным мазком по доскам и коврику; горкой синели черепки чашки; серебряные ложечки разлетелись; листки «что есть, где какать» легли веером, а из разбившейся банки вытекал прозрачный на темном полу мед.

Яся потянулся к меду, к воздетым вверх осколкам стекла. Степа коршуном сдернул его с пола, и сын, расстроившись, заорал.

— Ексель-пиксель! Ох, Степаныч... Ох, бедный-бедный. Ничего, сейчас маму догоним, мама тебя утешит.

Степа все еще был в домашних бермудах и футболке, но переодеваться не было времени. С Ясей на руках он выбежал во двор. Первый взгляд упал на «девятку». Возиться с зажиганием? Не сейчас. Да и не надо, не могла Юля далеко уйти. Степа вернулся в дом, вытащил с холодной веранды коляску. Он усадил, пристегнул сына и уже готов был помчаться, как ощутил прохладный ветерок... Май-месяц, плюс семнадцать, не больше. Яся в коляске поднес ко рту голую ногу. Степа ругнулся, снова вбежал в дом и схватил первое, что попало на глаза, — цветастый павлопосадский платок. Он уку-

тал Яську прямо в коляске, как мог, и теперь выкатился с ним за калитку.

Частный дом (точнее, полдома), в котором жил Степа, помещался на улице Гороховой — тихой зеленой улочке. Как горошины в стручке, в ней вместились два ряда одноэтажных, редко двухэтажных домов. Некоторые из них были построены лет шестьдесят назад, после войны, а какие-то — и сто лет назад. Крашенные в вишневый, голубой, серый, желтый цвет домики выглядывали из-за заборов, из-за кустов малины и жасмина, из-за кудлатых грушевых и яблоневых деревьев. На тропинке клевали жучков две курицы, по асфальтовой дороге ехал мужик на велосипеде. Юли, конечно, уже не было видно.

Степа побежал с коляской налево. Дорога к музею Юли простая — по Гороховой налево, на улицу Льва Толстого, а по ней до проспекта.

Заложив лихой вираж коляской на углу, он свернул на Льва Толстого. Юли и тут было не видать, но, наверное, она ушла дальше, сейчас догоним... Льва Толстого была довольно широкой двухполосной улицей с несколькими перекрестками. Приговаривая Ясе «сейчас-сейчас», Степа добежал до следующего перекрестка. Пришлось подождать, пока проедет вереница длинных темных машин-катафалков.

В появлении катафалков не было ничего удивительного, так как порядочная часть Льва Толстого граничила со старым кладбищем, на котором начали хоронить еще триста лет назад, а сейчас время от времени подхоранивали наиболее удачливых покойников на участки к родственникам.

Степа с Ясей перелетели перекресток — литые пластиковые колеса коляски прогрохотали на бордюрах, и Яся довольно взвизгнул — и помчались вдоль кирпичной, крашенной в красный и выцветшей до розово-

го кладбищенской стены. Столетние тополя лили из-за стены густую прохладную тень на головы прохожих. На правой стороне улицы деревянные домики сменились солидными зданиями в три и четыре этажа.

Впереди тротуар перегородила похоронная процессия — в ворота кладбища вносили гроб, щедро украшенный растрепанными цветами; наверное, несли отпевать в Вознесенскую церковь — бело-голубой одноглавый храм, стоявший на старом кладбище недалеко от входа, звон от его колокольни легко долетал до Степиного дома.

Процессия втянулась в ворота и освободила путь, а также освободила вид. Казалось бы, уж за ней-то должна была обнаружиться фигурка Юли в зеленом жакете. Но почему-то до самого конца улицы ее было не видеть... Ах, нет! На дальнем светофоре, на углу с проспектом, мелькнула, выдвинувшись на секунду из-за группы прохожих.

Степа припустил быстрее. Из проезжавшей с опущенными стеклами «тойоты» разносилась громовая «умца-умца», впечатываясь в уши всех застигнутых на улице. Ветер швырнул Степе в лицо неопознанную мелкую шелуху. Коляска дребезжала колесами, люди удивленно поглядывали на отца с ребенком, развившего гоночную скорость. Навстречу шкандыбала толстая старуха с продуктовой сумкой-тележкой, Степа вильнул, уклоняясь от нее, но старуха зачем-то тоже вильнула — бзынь! — тележка и коляска соприкоснулись и сцепились колесами. Степа чертыхнулся, а Яся от таких кульбитов вскрикнул и заплакал.

— Быстрый, не надо! Тише, тише, малыш! — гладил он Ясю, но тот не унимался.

Под вопли Яси и ругательства старухи Степа распил их колесные средства и скорей потащил Ясю дальше.

— Чем же, чем тебя успокоить? — Степа забежал вперед и покатил коляску, пятясь задом и корча для Яси